

ЮЛИЙ БУРКИН

ВИКА

В ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ

МИРЕ

Юлий Буркин

Вика в электрическом мире

«Автор»

1993

Буркин Ю.

Вика в электрическом мире / Ю. Буркин — «Автор», 1993

Два дневника – две истории. История любви старшеклассницы Вики и адвоката Виктора Ведерникова.

© Буркин Ю., 1993

© Автор, 1993

Содержание

Предисловие составителя	5
Пролог.	7
Часть 1.	11
Дневник Вики.	11
Из дневника Летова.	12
Дневник Вики.	14
Из дневника Летова.	16
Дневник Вики.	18
Из дневника Летова.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлий Буркин

Вика в электрическом мире

*«...Но кто знал, что он провод,
Пока не включили ток?..»*

Борис Гребенищikov.

*«... – За искренний союз Моцарта и Сальери.
– Постой!..»*

А. С. Пушкин.

*«... а любовь часто оборачивается печалью, но становится от
этого еще прекрасней. – Эльф помолчал...»*

Д. Р. Р. Толкиен

Предисловие составителя

Композиция нижеследующего текста невнимательному читателю может показаться нелогичной, даже сумбурной. На самом же деле, построение повествования подчинено строгой логике, позволяющей во всей, по возможности, полноте использовать те материалы (в большей части письменные и в меньшей – устные), владельцем которых я являюсь.

В качестве «пролога» я поместил устный рассказ моего старинного приятеля Андрея Летова о том, как впервые увидел он Павла Игнатовича Годи и познакомился с ним. Далее я публикую отрывки из дневников Летова и Вики, которые передал мне сам Андрей. (Если бы и рассказ о знакомстве с Годи присутствовал в дневнике Летова, я, естественно, предпочел бы воспользоваться первоисточником, однако дневник начат им позднее, отчего мне и пришлось положиться на собственную память.)

Должен предупредить, что, называя рукопись Летова «дневником», я несколько отступаю от истины. На самом же деле это – хронологически невыстроенные, разрозненные текстовые наброски, скорее – «записки», нежели дневник. Опустив большую его часть, в данную публикацию я включил лишь те его фрагменты, которые имеют отношение к П. И. Годи и к драматическим событиям, в развязке которых непосредственное участие принял я сам.

«Дневник Вики», напротив, является «собственно дневником». Это – скрупулезно, в строгой хронологии запечатленные на бумаге события, происходившие в небогатой ими жизни девушки. Вряд ли кого-то мог бы заинтересовать этот неприятный документ (многие девушки – от 14 до 19, примерно, лет ведут дневники), если бы не тот факт, что Вика, автор его, была одним из основных действующих лиц пресловутой драматической, если не сказать жуткой истории.

С одной стороны, чтобы не утомлять читателя некоторой, присущей «Дневнику Вики» монотонностью, с другой – чтобы проследить самому и дать читателю полнее ощутить, как неосознанно, но неотвратимо сближаясь, героями одной развязки неожиданно становятся изначально столь далекие друг от друга авторы «двух дневников», главы рукописей я решил давать поочередно, композиционно их переплетая.

Конец повествования по структуре симметричен началу: в «эпilogue» я, вновь по памяти, с уст самого Летова передаю то, что сам он уже не успел записать, а в «послесловии составителя» рассказываю о тех событиях, свидетелем и участником которых стал уже лично я.

Как видите, структура достаточно стройна. Что же касается правдивости содержания, то в полной мере я гарантирую ее лишь в послесловии. В остальных частях читатель сам волен определить степень своего доверия авторам «двух дневников».

Кому-то может показаться невероятным сам факт существования дневников: действительно, ведение подобного документа – занятие в наше время не слишком популярное. Но на эту предполагаемую претензию отвечу так: именно наличие дневников и прояснило для меня (хотя, считаю, и в недостаточной степени), сущность происшедшего. Именно они и стали причиной появления данного текста. Если бы я сначала ВЫБРАЛ персонажей, а уж затем выяснилось, что они еще и ведут дневники, это, пожалуй, действительно было бы невероятно. Но случилось наоборот: две эти тетрадки долго без дела болтались в моем столе, время от времени я разглядывал и перелистывал их, но лишь недавно сумел достаточно глубоко прочувствовать, скорее мистическую, нежели реальную связь, существующую между ними, окончательно выстроил для себя цепь событий, описанных в них (как бы с разных сторон) и ощутил настоятельную потребность поведать о ней широкому кругу.

Пролог.

Летов спешил, хотя и сознавал прекрасно, что спешить смысла нет. Вся эта неделя была кошмаром, и те четверть часа, которые он мог выгадать сейчас своей поспешностью, не меняли ровным счетом ничего. Но удержать себя было трудно.

Тот, кто дал ему адрес, говорил, что, не суля никаких гарантий, Годи берет деньги вперед. Но помогает он гораздо чаще, чем признает свое бессилие, и, зная это, люди раскошеляются, особо не артачась. Летова гнало вперед воспоминание: остекленевшие дикие глаза, с которыми Милочка кинулась на него сегодняшним утром.

Теплый вечер ласкал кожу, притупляя сосущий вакуум внутри. На мосту некие придурки пытались обманом выманить рыбу на сушу. Почти все встречные – пары. Этот факт слегка расслабил Летова и навел его на досужие профессионально-языковедческие размышления.

«Коллектив, – думал он, – делает человека бесполом. Это отражено и в грамматике. Вот фраза: «Шла пара – он и она», во множественном числе она превращается в полнейшую чушь: «Шли пары – они и они»... Это рассуждение в свою очередь заставило его задуматься о своем коллективе. И он еще раз убедился в верности своего тезиса. Взять ту же Милочку. Он работает с ней больше года, но всегда относился к ней как к исполнительному, «удобному в обращении» БЕСПОЛОМУ (хоть и милому) существу. И лишь неделю назад, будучи гостем на ее именинах, он понял, почему ее имя не смогло превратиться в банальное «Людочка».

Он вспомнил тепло ее кожи, ощущаемое во время танца пальцами сквозь материю платья. Вспомнил мечтательный свет звезд, отраженный в саду ее глазами... Но тут же он вспомнил и продолжение – сегодняшнюю ее истерику с царапаньем ногтями его щек и совершенно сумасшедшими воплями... И вновь ускорил шаг.

Розовый особняк. Ощущая набухающее волнение, Летов поднялся по лестнице и, увидев на двери металлическую пластину с надписью: «Павел Игнатович Годи, психотерапевт», не почувствовал облегчения, а напротив, разволновался еще сильнее. И позвонил.

Но в этот миг – миг между решением нажать на кнопку звонка и самим звонком – уместилась маленькая синяя вечность.

– Войдите, – раздался из-за двери низкий, хорошо поставленный голос, – открыто.

Летов повернул ручку и шагнул внутрь.

Годи оказался высоким худошавым пожилым мужчиной с копной длинных седых волос. В его внешности – и в этих клоунских космах, и в смуглости морщинистой кожи, а в особенности – в густоте неожиданно черных бровей – во всем ощущалась некая дешевая театральность, и Летова охватило смутное недоверие, какое он испытывал к приезжим циркачам, а из местных – к поэтам, членам разнокалиберных литобъединений. Для полной неубедительности Годи не хватало только банта на шее или колпака звездочета на голове.

– Не стесняйтесь, сударь, – продолжил хозяин все тем же полным дешевого пафоса голосом, – и простите за то, что не включаю в коридоре свет: этого не любит Джино. – И он погладил нечто бесформенное, но явно живое, тут только замеченное Летовым на плече хозяина.

Летов пригляделся и с безразличным чувством уяснил, что Джино – летучая мышь. И вот эта, в общем-то, тоже дешево-театральная деталь, которая, казалось бы, должна была укрепить в его душе отношение к Годи, как к водевильному прохвосту, отчего-то, напротив, неожиданно убедила Летова в подлинности сверхъестественных способностей стоящего перед ним человека. Возможно потому, что где-то он читал: летучие мыши В ПРИНЦИПЕ НЕ ПОДДАЮТСЯ дрессировке; а может быть, потому, что маленькая сморщенная рожица Джино была уж очень злобной и хитрой.

– Добрый вечер... – начал было Летов, но Годи взмахом ладони остановил его:

– Не спешите, друг мой, не спешите. О делах не говорят с порога. Если позволите, я приготовлю кофе. За чашечкой и поведаете о целях своего визита. – (Позже Андрей ни разу не видел, чтобы Годи был столь любезен с посетителем и пришел к выводу, что тот с самого начала выделил его из общей массы.)

Не найдя возражений, Летов молча прошел в сумеречную комнату со стенами, увешанными экзотическими трофеями и в ожидании удалившегося на кухню хозяина увяз в древнем, ненормальной мягкости, кресле.

Годи вернулся с дымящимся подносом, расположился напротив, указательным пальцем левой руки почесал Джино под крылом и, пристально глядя Летову в глаза, произнес требующее продолжения слово: «Итак...»

– Я работаю в университете, – начал тот, – на кафедре общей филологии. – Годи покачал головой так, словно эта информация имела для него колоссальное значение. – У нас есть машинистка – Людмила Краснова – довольно милая женщина, живет одна с четырехлетним сыном. Мы иногда шутим друг с другом и для смеху корчим из себя влюбленных, но на самом деле отношения у нас с ней чисто дружеские. У нас с ней никогда ничего не было... и не собиралось.

– Кофе стынет, – внезапно сообщил, перебив его, Годи.

– Спасибо, – Летов взял чашечку, и, отхлебнув, продолжил: – И вот угораздило меня пойти к ней на именины. Это было четырнадцатого августа, то есть, неделю назад. Она пригласила всю кафедру. Попили, поели, потанцевали... Один раз Милочка попросила меня проводить ее в сад: захотела покурить, но не хотела чтобы курящей ее видел сын. Мы выходили с ней минут на пятнадцать. И все. Честное слово!

– Я пока что и не пытаюсь уличить вас во лжи.

– Да, простите. Мне слишком часто за последние дни приходилось доказывать... Так вот. Именины были в пятницу, а в понедельник утром Милочка подошла ко мне и говорит: «Андрюша, ты разберись со своей подругой – она у тебя слишком ревнивая». Я, конечно, не понял ничего и попросил объяснить, о чем, собственно, речь. Оказывается, в воскресенье вечером Милочке позвонила какая-то женщина и пыталась завязать с ней душевный разговор на тему: «Оставьте в покое моего Андрюшу, у нас с ним серьезно, а вы – лезете...»

Я сначала подумал, Милочка шутит. Но она уверяла, что все так и было, и я решил, что пошутил кто-то другой – с нами обоими. Потому что ни с кем у меня ничего серьезного сейчас нет. Но Милочка мне, по-моему, не поверила.

А позавчера приходит – и сразу ко мне: «Твоя подруга уже достала. Истеричка какая-то. Плачет, умоляет с тобой порвать...» Тут я уже ничего не понимал. Глупая шутка неприятно затягивалась.

В среду и в четверг ничего подобного не повторялось. Но в пятницу Милочка влетела на кафедру с красными от бессонницы глазами, сходу подскочила ко мне и принялась хлестать по щекам. Я пытался уклониться, но она вцепилась мне в волосы. Короче, устроила настоящий скандал...

Неожиданно, когда прозвучало слово «скандал», встрепенулся Джино, хлопая и шурша крыльями, покинул плечо хозяина, достиг незажженной люстры, уцепился когтями за одну из ее изогнутых металлических трубок с плафоном и, в оцепенении, повис вниз головой.

Опасливо поглядывая на него, Летов продолжил свой рассказ:

– А после выяснилось вот что. В четверг вечером Милочке снова позвонили. На этот раз моя самозваная «подруга» уже не просила ее оставить меня и не рыдала в трубку. Вместо того она спокойно и решительно заявила: «Я жду от Андрея ребенка. Но он избегает меня и продолжает встречаться с вами А раз это так далеко у вас зашло, значит, я должна буду сделать аборт. Выходит, вы убиваете моего ребенка. Тогда и я убью вашего; вот что я решила. Мне терять нечего. А не убью, так изуродую: я ему в лицо серной кислотой плесну, у меня ее на

работе много. Слава богу, вы меня не знаете, так что, когда я вас с сыном на улице подкараулю, вы и глазом моргнуть не успеете». И бросила трубку.

Милочка промаялась всю ночь, не успокаиваясь ни на минуту, несмотря на выпитый флакон валерьянки. Какие только картины не лезли ей в голову. В конце концов, она остановилась на мысли, что все это из-за меня, это я что-то плету своей подруге-истеричке, а сам при этом делаю вид, что вовсе ни при чем. С этой мыслью, на грани нервного срыва, она и отправилась на работу. И кинулась на меня, только увидев.

- А вы действительно ни при чем?
- Да говорю же, я и понятия не имею, кто ей звонит!
- Хорошо. Больше вам нечего добавить?
- К сожалению, есть...

И Летов поведал о том, как после обеда его вызвал к себе завкафедрой и «посоветовал» покинуть университет «по собственному желанию». Сколько он не пытался убедить шефа в том, что во всей этой истории нет не малейшей его вины, тот только «понимающе» поддакивал, а после «советовал» снова...

- И вы написали заявление?
- Пока нет. Но ничего другого мне не остается.
- А вы так дорожите своим местом?

– Место-то не ахти. Лаборант. Но мне – удобно: я готовлюсь к защите... Да и люди там до последнего времени мне нравились. Сейчас, правда, от меня как от чумного шарахаются: все ведь, наверное, как и Милочка, думают, что я, из любви к психологическому садизму, специально капаю на мозги какой-то беременной истеричке своими несуществующими сексуальными победами...

– А на самом деле?... – наклонился Годи ближе к Летову, а висящий поодаль Джино резко открыл глаза и, выпучив их, тоже уставился на него.

Тот вспыхнул:

– Вот что! Я пришел, чтобы вы мне помогли, а не устраивали допрос. Если вы не верите, то мне тут делать нечего.

Джино захлопнул веки. Годи откинулся обратно на спинку кресла. И сказал, усмехнувшись:

– Полно, сударь, не горячитесь. Помочь я вам постараюсь. Правда, я пока еще не знаю, смогу ли я это сделать. – С этими словами он встал. – Кстати, сколько вы намерены мне заплатить?

Летову показалось, что вопрос поставлен несколько некорректно, да и обида еще не прошла, и ответил поэтому уклончиво и слегка вызывающе:

– А сколько бы вы хотели получить? И за что?

– Не пристало вам торговаться. – Годи с притворной сердитостью сдвинул брови. – Не будь вы типичным порождением нынешней пресной эпохи, я потребовал бы от вас удовлетворения за то лишь, что на мой вопрос вы посмели дерзко ответить вопросом...

Пока он высказывал все это, Летов уже вытянул из внутреннего кармана конверт с приготовленной суммой и протянул его ораторствующему. Тот моментально осекся, пересчитал баксы, удовлетворенно кивнул и, бросив: «Ждите», удалился в соседнюю комнату.

Андрей недоуменно смотрел ему вслед. «Чего ждать-то? – думал он. – Сказал бы когда подойти – завтра или через неделю...» Но мысль эта даже не успела еще оформиться, как Годи вернулся в комнату и уселся обратно в кресло.

– Минина Вера Степановна все это устроила, – сообщил он. – Известный вам преподаватель фонетики. Зла она к вам не питает, а преследует сугубо практическую цель. Осенью у нее из армии приходит сын; аттестат у него слабый, да и вообще – оболтус; а поступать надо. Собирается на рабфак, а значит – надо где-то работать. Вот она и хочет пристроить его на

кафедру; и присмотр будет, и шансы возрастут: через год все его будут держать за «своего» и вряд ли станут валивать на экзаменах. Вот она и освобождает для него место.

... Летов был так ошарашен, что ушел даже не попрощавшись. Просто встал, молча последовал в коридор, натянул кроссовки и вышел за дверь. Ошарашен он был не столько подлостью Веры Степановны (хотя и этим – тоже), сколько тем, как быстро и исчерпывающе все объяснил Годи. Откуда он вообще знает о существовании Мининой?!

Летов брел по ночной улице, чувствуя себя, пожалуй, еще более подавленным, чем до визита к Годи. А перед внутренним взором его стояли ехидно вытарашенные глазки летучего мыша Джино.

ПРИМЕЧАНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ. Приведенный выше эпизод Андрей описал мне достаточно подробно. Однако между ним и тем, что запечатлено в дневнике, есть немалое белое пятно, которое Андрей не заполнил устным рассказом. Но я и без того знаю, что происходило далее и кратко вам это изложу.

Андрей убедился в абсолютной верности того, что сказал ему Годи. И вновь обратился к нему за помощью: как-то нужно было выходить из создавшейся тупиковой ситуации. В результате мудрого вмешательства последнего, Летов остался на кафедре. Однако содеянное Павлом Игнатовичем так поразило его воображение, что из любопытства он стал частенько заходить к Годи, мало помалу становясь сначала верным его поклонником, а затем – помощником и другом. (Хотя, последнее определение, пожалуй, страдает чрезмерной эмоциональной окрашенностью.)

Дальнейшее повествование для удобства читателя разбито мною на три равных по объему части.

Часть 1.

Дневник Вики.

26 декабря.

Этот Новый год будет самым дебильным Новым годом в моей жизни. Надо же было мне заболеть! Все из-за Вадика с его долбанной любовью. Простояли в моем подъезде часа, наверное, четыре. Даже не целовались. Не знаю, что бы я сделала, если бы он полез. Дала бы по морде или нет? Но все равно он – придурок, а не парень. Читал свои стихи. Стихи плохие, это я почувствовала. Но все равно было приятно. Особенно от того, что почти все он сочинял специально для меня. И еще он рассказывал про своего лучшего друга, который от любви разогнался на мотоцикле и со всей скорости врезался в стену дома. Разбился, конечно, насмерть. Не знаю, врет Вадик или правду говорит. Больше похоже, что врет. Точнее – «фантазирует». А может быть, и нет. Не знаю. Только в подъезде было довольно холодно, и хоть я и стояла, прижавшись спиной к батарее, все-таки простыла. И вот теперь лежу на животе, как камбала. (Мама поставила банки, и спина у меня теперь будет вся в пятнах). Лежу и маюсь от безделья. Вот даже дневник взялась писать. Я уже сто лет мечтала вести дневник, но каждый раз казалось, что начинать уже поздно.

Пришла мама, стала снимать банки, я отвлеклась, а потом перечитала, что написала и убедилась, какая я глупая. Начала с Нового года, а кончила банками. С Новым годом вот что: наш класс уже месяц готовится шикарно его встретить – на лыжно-туристической базе в Ново-Белово (отец Верки Богатовой сделал нам коллективную путевку на пять дней). 29-го туда поедет весь класс, а вернется – 2-го января следующего года. А я телевизор буду, как дура, смотреть. С папочкой и мамочкой.

Главное, я чувствую: буду здорова 31-го или даже 30-го, как корова (хотела написать «здорова как бык», но подумала, что про девушку так писать странно, вот и получился детсадовский стишок: «Здорова, как корова»). Но, во-первых, одну меня мама непустит, а во-вторых – правильно сделает, потому что добраться туда можно только на своей машине. Наших-то автобус повезет (с фирмы, где Веркин папа работает). Конечно, если бы я наехала на отца, он бы, может быть, и договорился, чтобы меня кто-нибудь отвез, но только я заикнулась об этом, мать сразу: «Куда ты собралась, ты же на ногах еле стоишь!..»

И вот лежу я на животе (то банки, то горчичники, с ума можно сойти), а мне все звонят и сочувствуют. И Вадик, козел, позвонил: «Ой, как жалко, что тебя не будет...» Молчал бы уж. Если такой влюбленный, мог бы тоже не ездить. Из солидарности. Хотела я ему это сказать, но передумала. Зато знаю теперь окончательно, какой он козел.

Почти весь класс звонил. Ведь у нас в классе – я, Верка и Инка – самые симпатичные девчонки, и без нас скучно, особенно парням. К тому же мы и самые «компанейские». Плохо только, что у нас с Инкой сейчас немного отношения испортились, опять же из-за Вадика. Он мне на фиг не нужен, а она от него без ума. А он на нее – ноль внимания. И бегаёт за мной. Я ей честно все это объясняю (про то, что он мне на фиг не нужен), а она не верит и ревнует.

Тоже позвонила мне и давай сокрушаться, что я не еду. А я прямо слышу, как она рада: Вадик – в полном ее распоряжении. Вадика-то мне не жалко, а вот то, что она не искренне меня жалеет, обидно. Сколько лет дружили.

Все. Устала писать.

Из дневника Летова.

Годи хвастлив. Порой – невыносимо. Причем, пользуется он тем, что проверить его невозможно. Во всяком случае, так мне кажется. Когда он в приподнятом расположении духа, он с удовольствием рассказывает разные небылицы. Самое обидное, что у меня нет никаких серьезных оснований утверждать, что это действительно НЕБЫЛИЦЫ. Ведь ни разу не ловил я его не то что на лжи, на малой неточности. А так хотелось бы. Ведь почти всегда итог его рассказов – унижение, низвержение, втоптывание в грязь самых любимых вами понятий и имен. При этом сам он словно бы к тому и не стремится, рассказ его вроде бы никого не порочит. Но потом вы почему-то просто уже не ощущаете бывшего благоговения по поводу очередного, подвернувшегося ему под руку, вашего кумира.

Подобное же действие «автоматической дискредитации» оказывал занятный прием, которому научил меня мой одноклассник (мы учились тогда в третьем или в четвертом классе) Саня по прозвищу «Кривой» (от фамилии Кривошеин). Я тогда сильно робел, выходя к доске, буквально терял дар речи, даже если и был прилично подготовлен. В результате – «стаи лебедей» (как выражался наш завуч). Так вот, Кривой посоветовал мне: «Ты перед тем, как выйти к доске, представь училку, как она в сортире на унитаза сидит, и все сразу пройдет». И что вы думаете? Метод действовал без осечек.

Вернемся к Годи. Однажды я взалхлеб повествовал ему о достоинствах полифонического метода Достоевского (Федор Михайлович – мой хлеб насущный и моя искренняя любовь; он – тема моей незащищенной пока кандидатской). Годи слушал с интересом, то хмурясь, то неожиданно возбуждаясь и похахатывая, потирая друг о друга узловатые бледные кисти рук. А когда я добрался до «Идиота», своего конька, он перебил меня нелепым заявлением:

– А ведь страшнее тезиса «красота мир спасет», человек, пожалуй, ничего не придумал.

Я как-то сразу осекся, а он, выдержав по-актерски эффектную паузу, продолжил – монотонно, полуприкрыв веки и покачиваясь:

– Третья мировая война, унеся 200 миллионов жизней, неожиданно явилась толчком для возрождения всеобщего оптимизма: ядерное оружие так и не было применено. Здравый смысл победил, несмотря на царившую, казалось, бесконтрольную истерию. Только три атомных гриба за два года интенсивнейшей бойни – это вселяло надежду. Обескровленное человечество, зализывая раны, вновь принялось за созидательный труд.

Но разум царил лишь каких-то семь коротких лет, названных позднее «Большим затишьем». Территориальные притязания государств Ислама делали обстановку в мире все более напряженной. И напряжение это однажды лопнуло. То, что случилось, уже не называлось войной. Историки более поздних времен назвали это Великим Крахом. То, от чего человечество удерживало себя столько сложнейших десятилетий, свершилось за какие-то четыре дня. Весь смертоносный ядерный потенциал земного шара за четверо суток был выпущен на волю и превратил планету в бесплодную выжженную глыбу.

Сохранилось не более миллиона человеческих особей, мечущихся в кошмаре радиоактивной пустыни, одичавших, гибнущих от голода и холода ядерной зимы. Минул срок, и «новые варвары» принялись объединяться в племена и создавать некую пародию на бывшее великое общество. Перед уцелевшими встала задача: возродить человека, как вид, заселить те участки Земли, на которых хоть как-то можно жить, вернуть хоть что-то из уничтоженной цивилизации.

И задача эта сдвинула приоритеты. Главным стало – увеличение народонаселения, демографический рост. Но на каждого нормального (во всяком случае – внешне) новорожденного приходилось 2-3 мутанта, врожденных уроды. И вот тогда на жалких мощах усопшего человечества и возникло то, что позднее было названо «Миром Достоевского»... Второй после размно-

жения жизненной установкой обитателей этого мира стало уничтожение детей с отклонениями. А как их определить? Многие мутанты не менее, а порой даже более жизнеспособны, нежели «нормальные» особи. Каковы критерии «нормальности»? Тогда и вспомнили люди определение КРАСОТЫ, как рациональности, то есть правильности. И беспощадно стали истребляться «некрасивые» люди.

Мало-помалу сложилась довольно жесткая структура: правила новым народом супружеская чета «прекрасных». Основной их обязанностью было – осмотр маленьких людей – от пяти – до семилетнего возраста – и вынесение беспристрастного вердикта: «красив» (будет жить) или «некрасив» (будет уничтожен). Убитые «некрасивые» дети пожирались, ибо каннибализм стал нормой жизни столь бедного органикой Мира Достоевского.

Минуло несколько сотен лет, прежде чем тезис «красота мир спасет» не перестал быть единственным законом. Земля (за исключением покрытых застывшей радиоактивной лавой, окончательно пришедших в негодность участков) более или менее равномерно заселилась «красивыми людьми». Но печать каннибализма, прагматизма, жестокости и возведения в идеал правильности формы вне зависимости от содержания останется клеймом на многие тысячелетия. Человечество уже никогда не станет способно произвести и воспринять такие понятия, как «гуманность», «снисхождение», «сострадание» и т. п. И никогда не перестанет оно поклоняться «пророку красоты» Федору Достоевскому...

Так закончил свой рассказ Годи.

– Позвольте, – возмутился я, – он-то ведь совсем другое имел в виду! Красота по Достоевскому – это доброта...

– Вы уверены? Но почему же тогда он так и не выразился: «Доброта мир спасет»? Не спорьте с гением, сударь. Лично я преклоняюсь перед его прозорливостью. В конце концов, он оказался прав: именно красота, как наиболее рациональная ФОРМА и спасла мир. Вернее, спасет, ведь для вас это – будущее. Да и слава Богу.

Я не нашелся что возразить и долго еще после этого разговора не мог заставить себя снять с полки ту или иную книгу Федора Михайловича. Итак, Достоевский – идейный вдохновитель массового убийства и пожирания детей, возведенного в мировую политику... Черт бы побрал этого Годи!

Дневник Вики.

2 января.

Я уж думала, никогда этот дневник продолжать не буду. О чем писать-то? Но прошла всего неделя, а столько всего случилось, что я снова взялась за ручку.

31-го я подыхала от скуки, потому что все уехали в Ново-Белово, а я, как последняя дура, осталась с родичами. И вот, где-то часов в пять я объявила маме, что пойду на улицу, посмотреть на новогодний город. Она немного поворчала, что я еще кашляла ночью, но я потеплее оделась и все-таки вышла.

Было тоскливо. Мне даже стало казаться, что это я ревную Вадика к Инке. Но я поразмыслила и поняла, что вовсе нет: это просто от скуки. Ведь если бы я была с ними за городом, я наоборот, даже хотела бы, чтобы они были вместе. Раз уж он ей так нравится. А я бы просто пела песни, заигрывала с остальными мальчиками и все такое (хотя – с кем там заигрывать?..). Вина, кстати, запасли много, хотя родители знают только про три бутылки шампанского. А там водки только семь бутылок, и две бутылки коньяка. А вина – бутылок двадцать: целый месяц копили.

Люди носились по улице, как сумасшедшие, – с огромными сумками и коробками тортов. А некоторые даже с елками. Папа елку еще позавчера поставил. Он тут заикнулся про то, что надоело каждый год елку покупать, лучше купить искусственную, но я ему закатила маленький скандалчик (что попало – терпеть не могу искусственные елки), и он, как миленький, притащил настоящую, пушистую такую, пихточку.

Уже много на улицах было пьяных – тех, кто начал Новый год отмечать с утра, а то и со вчерашнего дня. Я пошла в парк и прокатилась с горки. Получилось довольно грустно. Там были только малыши с родителями.

Пьяным парням я старалась на глаза не попадаться, чтобы не приставали. Хоть меня мама с папой и считают совсем маленькой, но ко мне довольно часто пристают взрослые парни.

Зашла в магазин «Золотая долина» и выпила в кондитерии стакан сливового сока.

Там, в магазине, я и заметила, что на меня пристально смотрит какой-то взрослый мужчина – лет тридцати. Он стоял в очереди в кассу. Только под Новый год бывает столько очередей. Мне не понравилось, как он на меня смотрит, и я пошла на улицу, на остановку. Села в маршрутку и вдруг снова почувствовала, на себе взгляд. Оказывается, этот парень (или мужчина, я не знаю, как правильно говорить о человеке в таком возрасте) тоже сел в эту самую маршрутку. Я вышла на своей остановке, он вышел тоже и пошел за мной. Я немного испугалась (уже начало темнеть) и пошла быстрее. Когда я уже добралась до своего подъезда, он окликнул меня: «Девушка!»

Тут-то я уже ничего не боялась: если бы он сделал что-нибудь, я бы так заорала, что весь бы дом высыпал, и папа бы ему дал... Поэтому я остановилась. Он подошел ближе. «Пожалуйста, не убегайте, постойте», – сказал он. «Что вам надо?», – спросила я. «Понимаете, – ответил он, – мне показалось, что вам одиноко. Мне тоже одиноко, и я захотел поговорить с вами». «Ну, говорите», – сказала я, по-моему, довольно глупо, как будто scomандовала. Он засмеялся, и тут только я как следует его рассмотрела. Он не был похож ни на хулигана, ни на какого-нибудь ненормального. Некрасивый, лицо какое-то странное, вытянутое. Но что-то приятное, доброе в нем есть.

«Понимаете, – продолжал он, – вышло так, что мне придется сегодня встречать Новый год одному. И я подумал, может быть вы оттого такая грустная, что и у вас такая ситуация?». «Это вам показалось», – соврала я (или не соврала, я же все-таки буду с папой и мамой). «Тогда

извините. Если так, я рад за вас. А то я хотел предложить вам встретить Новый год вместе». Я скорчила такую рожу, что он снова засмеялся и сказал: «Еще раз извините, теперь-то я вижу, что вы совсем маленькая девочка. Я часто ошибаюсь, когда пытаюсь определить возраст женщины. Если бы я сразу понял, какая вы маленькая, я бы не стал к вам приставать». Он сказал это и по идее должен был сразу повернуться и уйти. Но он все стоял молча, и я тоже стояла и понимала, что он мне почему-то нравится. Или меня заело, что я кажусь ему маленькой?

Мы еще постояли так немного, и он говорит: «Раз уж так вышло, я все-таки еще раз предлагаю вам встретить Новый год со мной. Даю честное слово, что ничего плохого себе не позволю». «Нет, не могу», – ответила я, хотя мне вдруг ужасно захотелось согласиться. Но что-то меня удержало – то ли страх, то ли мысль о том, как я объясню маме, куда я вдруг исчезла. Или ощущение, что все-таки это как-то неправильно – встречать Новый год с незнакомым взрослым мужчиной. «Что ж, ладно, – он с улыбкой покачал головой, – может быть, оно и к лучшему», – повернулся и пошел. Потом вдруг остановился, обернулся и, вернувшись ко мне, достал из кармана бумажник, а оттуда визитную карточку: «Вот, если вдруг передумаете, звоните. Не сегодня, так в любой другой день». И двинулся обратно к остановке. А я вошла в подъезд.

Все, мама зовет обедать. О том, что было дальше, допишу в следующий раз.

Из дневника Летова.

Другой случай был для меня менее болезнен, нежели развенчание Федора Михайловича. Уж и не помню, с какой стати, мы затеяли разговор о Юрии Гагарине. Да, вспомнил! В тот вечер Годи, как он это делал иногда, резанул себя лезвием по запястью левой руки и кормил Джино своей теплой кровью. Меня от этого зрелища слегка подташнивало (особенно от выражения, которое возникало на рожице Джино, когда он высовывал свой жадный, свернутый в трубочку язычок), и я, чтобы отвлечься, включил старинный, практически не используемый хозяином, телевизор. Шла какая-то настольгическая передача, и в исполнении забытой ныне звезды сов. эстрады Юрия Гуляева звучала песня: «Знаете, каким он парнем был?..» И меня потянуло на философию.

– Правда, – начал я, – как странно. Глупейшая история, по-моему. Первым из всех людей побывать в космосе, чтобы разбиться на банальном самолете...

Годи смахнул Джино, отер руку смоченной в спирте ваткой и, накинув сорочку, заявил:

– Да, человек неопикуемой смелости, доброты и честности. Но в космос он не летал.

Я встал на дыбы:

– Какая ерунда! Какую только ерунду не придумают журналисты, когда нечего писать. Встречал я эти бредни. Бредни и есть. Ни на грош им не верю.

– Да и я тоже. Пишут, например, что не было полета. Это – откровенная выдумка. Но, сочиняя сенсационную утку, кто-то чуть не попал в десятку.

– Чушь. Есть простейшие логические доказательства того, что полет был. Во-первых, сигналы «Союза» принимали все радиостанциями мира, во-вторых, сразу за Гагариным в космос отправились другие... Выходит, вообще никто не летал?

– Я и говорю – полет был. Я же сказал, «ПОЧТИ в десятку». Полет был. Но Гагарина в корабле не было. Сейчас вы все поймете.

Он уселся в кресло и поведал:

– Холодная война между СССР и США была в разгаре. Одним из ключевых ее направлений стала «космическая гонка» – соревнование двух сверхдержав в том, чей гражданин первым совершит пилотируемый полет. У нас (в смысле, в СССР) все шло нормально. Но когда космический корабль был уже практически готов и оставалось лишь смонтировать оборудование жизнеобеспечения пилота, из неофициальных, но достоверных источников стало известно, что запуск американского космонавта будет произведен через двадцать дней. Советские конструкторы сознавали, что даже при самом максимальном напряжении сил в этот срок им не уложиться. А ведь первенство значило много больше, чем даже сам полет. От этого зависело и дальнейшее финансирование космических исследований правительством. И вот тогда-то гениальный конструктор Королев и принял неожиданное решение, о котором знали только четверо: он, двое его ближайших помощников и Гагарин.

Во-первых, в ракете срочно был смонтирован и установлен прибор (чудо тогдашней радиотехники) – комбинация радиопередатчика, реле времени и магнитофона. Именно он и подавал сигналы из космоса, которые принимал весь мир. Он даже «отвечал на вопросы» если тот, кто задавал их, после вопроса подавал особый ключевой сигнал, включавший систему. Вопросы были, само собой, подобраны заранее, а ответы – записаны на пленку. Во-вторых, был отснят знаменитый киоролик с гагаринским «Поехали!» И, в-третьих, была проведена серьезная психологическая обработка пилота.

В день старта Гагарин, облаченный в скафандр, действительно сел в космический корабль. Там, сбросив с себя тяжелую одежду, дождался условленной секунды, включил радиоприбор и выбрался из люка. Именно в этот миг, действуя по сценарию, Королев заявил членам правительственной комиссии, что сейчас будет производиться заправка двигателей, и в тече-

нии семи-десяти минут ничего интересного происходить не будет. Подведя их к развешанным на стенах бункера схемам и картам, он принялся рассказывать о будущем полете.

Гагарин спрыгнул на землю Байконура, добежал до топливного автозаправщика, забрался в пустую кабину и, натянув приготовленную там спецовку, повел машину прочь.

Вот, собственно, и вся история. Потом капсула с космонавтом была с самолета сброшена на землю.

Годи замолчал.

(Позднее рассказанное им я изложил одному своему знакомому, который понимает в технике больше, чем я (Андрей имеет в виду меня (прим. составителя)), и тот подтвердил, что технические возможности к проведению подобной операции в 61-м году уже существовали.)

Наш с Годи разговор в тот раз закончился так:

– Только не думайте, что я пытаюсь принизить героизм ученых и космонавта, – заверил он. – Напротив, второй пилотируемый полет показал, что, имея конструкторы запас времени, хотя бы два-три месяца, состоялся бы и прошел удачно и первый полет. Собственно, и обманом-то это не назовешь.

– А Гагарин, как же он?..

– О, Юрий Алексеевич – фигура крупная и трагическая, достойная пера Шекспира. Вначале он с удовольствием принимал славу и почести, так как давно был готов к ним. Он как-то даже и не чувствовал себя авантюристом. Но с каждым днем все чаще мучили его и угрызения совести, и горечь от того, что, по иронии рока, ему не пришлось совершить того героического поступка, который он должен был, мог и жаждал совершить. Что он ворует по праву ему принадлежащее. Это порождало в его сознании ощущение эфемерности всего окружающего. Он не боялся разоблачения, нет. Совершая предписанный Королевым поступок, он знал, что делает это во благо Родины: мы должны были стать первыми. Но кто он теперь? Герой? Космонавт? Или обманщик? Или вор собственной славы?.. Юрий Алексеевич был человеком редкостной чистоты души. Оттого-то вся эта история и закончилась для него сперва чередой запоев, а затем и самоубийством. Я преклоняюсь перед этим человеком.

И снова, как и тогда, с Достоевским, Годи заявил, что он, мол, преклоняется... Я же вновь ощущал, что еще один мой кумир лопнул подобно мыльному пузырю.

Дневник Вики.

10 января.

Перечитала написанное раньше и поразились: как быстро мчится время. Я уже привыкла, что у меня есть Виктор, и мне кажется, что я знаю его сто лет. И мысли, которые были у меня всего десять дней назад, кажутся сейчас глупым детским лепетом. И даже как-то смешно переносить их на бумагу. И все-таки, раз уж я так решила, попытаюсь. И начну с того места, где остановилась в прошлый раз.

Когда я пришла домой, мама готовила пельмени, и я стала ей помогать. Сама я готовить не люблю, но люблю помогать маме, потому что тогда-то я точно знаю, что все будет вкусно, и я не зря мучаюсь. Мы провозились часов до семи, а потом накрыли на стол и уселись смотреть телевизор. Смотрели и провожали старый год: папа наливал по десять капель коньяку.

Настроение было напрочь неновогоднее, к тому же по телеку шел какой-то эстрадный концерт – чушь собачья – совсем не интересный. Потом сварились пельмени, и только мы успели их съесть, как на экране появился президент и стал нас поздравлять. Папа схватил бутылку шампанского, а я закричала: «Потряси, потряси, хочу, чтобы стрельнуло!» Но он иногда бывает упрямым, как баран: так осторожно вынул пробку, что даже не зашипело. Куранты начали бить полночь. Мы чокнулись и выпили. Тут только я немного почувствовала праздник.

А минут через двадцать мама и говорит: «Ну ладно, вы как хотите, а я пошла спать». «Я тоже, пожалуй», – говорит отец. «Спать?! В новогоднюю ночь?!» – я чуть не заорала от возмущения, но тут заметила, как они друг на друга глянули, вроде бы мельком, и до меня доехало сразу, что совсем не спать они пошли. И я сказала только, чтобы они не догадались, что я догадалась: «Засони», – и стала дальше смотреть концерт.

А когда они ушли, мне стало себя ужасно жалко: у всех кто-то есть, только у меня совсем никого нету. В новогоднюю ночь сидеть одной-одинешенькой и пялиться в ящик. Я что Пугачеву не видела? Повеситься можно. Наверное, я во всем мире одна такая одинокая и несчастная. Захотелось поговорить хоть с кем-то. И тогда я вспомнила про картонную карточку в кармане куртки. Я вышла в прихожую, достала эту карточку и прочла: «Ведерников Виктор Алексеевич, адвокат». И номера телефонов – домашнего и рабочего.

Я тогда еще не знала (хотя, наверное, знала, только забыла), что адвокат – это тот, кто защищает, и мне стало немного неприятно, что мой новый знакомый как-то связан с судом, значит – с милицией, там, с тюрьмой (так я решила), с чем-то неприятным. Но я все-таки набрала его домашний номер.

Трубку сняли сразу: «Да?» А я еще не успела придумать, что буду говорить, потому что довольно долго молчала, и на том конце провода молчали тоже. Наконец, я сказала, не найдя ничего умнее: «С Новым годом», и он сразу ответил: «Спасибо... Вы – та девушка, с которой мы сегодня познакомились? Из маршрутки». «Да. Я подумала, что вам, наверное, сейчас очень одиноко». «Вы – добрая девушка». «А вы правда – один?» «Правда. Если я сейчас подъеду к вашему дому, вы выйдете?» «Нет, нет, не надо. Я же сказала». «Я подумал, может, вы передумали...» «Нет». «Тогда, извините. Как вас хотя бы звать?» «Вика». «Вика?! Не может быть». «Как это, не может быть, если меня так и зовут?» «Да, да, это я сам с собой...»

И вот примерно в этом же духе (совсем ни о чем) мы проболтали с ним минут сорок (я, кажется, становлюсь писательницей: конечно же, я не могла запомнить весь этот диалог и сейчас сочинила его на ходу; но примерно так все и было). В конце концов мы договорились до того, что я пообещала позвонить ему завтра. Да, а на вопрос «почему вы один?» он ответил: «Это длинная история. И довольно скучная».

Я позвонила ему 1-го в четыре часа, и мы договорились встретиться на остановке, на той самой – около «Золотой долины».

Я узнала его сразу. Длинное некрасивое лицо. Некрасивое, пока он не начал говорить. Я даже успела слегка разочароваться: в моей памяти он был все-таки чуть-чуть посимпатичнее, но стоило ему произнести несколько слов, и все изменилось. (Позже еще много дней повторялось то же самое: когда я его не видела, он помнился мне чуть ли не красавцем, при встрече я просто-таки злилась на него за то, что он такой страшный; но стоило нам немного поговорить, и я начинала смотреть на него какими-то другими глазами; вижу, что страшный, но... красивый.)

Короче, я узнала его сразу. И он меня тоже.

– Ко мне в гости? – спросил он

– А это безопасно? – ответила я вопросом на вопрос, и мне очень понравилось, как у меня это лихо и по-взрослому вышло. Но он этого не оценил, а даже наоборот – усмехнулся, как над потешным детским словечком и ответил нарочито торжественно:

– Даю слово.

И стал ловить машину.

Мы молча проехали до района теплоцентрали. Почти молча. Он изредка задавал мне короткие вопросы, типа: «В каком классе учишься?», «Боишься меня?» или «Давай, на «ты»?», а я односложно отвечала «да» или «нет». Я понимала, что выгляжу туповатой ПТУшницей, но, сказать по правде, я на самом деле так боялась, что не слишком-то и желала производить на него впечатление. Вообще, не знаю, зачем я с ним поехала. От скуки и от любопытства я могу сотворить что угодно. Во всяком случае, это не «любовь с первого взгляда». Мне нравятся мальчики совсем другого типа.

«Мальчики!..» Нашла мальчика!..

Это была двухкомнатная квартира, обставленная не слишком бедно, но и не сказать, чтобы роскошно. Виктор (мы с ним перешли-таки на «ты») пошел на кухню, минут двадцать там покопался, а потом вернулся с какой-то досточкой вместо подноса, на которой стояли тарелочки с ветчиной, маслинами, салатом из помидоров и неполная бутылка шампанского.

– Глупо было вчера в одиночку пить, – кивнул он на бутылку.

– Как-то странно... – начала я, но он мягко меня оборвал:

– Давай договоримся. Ты не должна меня бояться. Ничего плохого я тебе не сделаю, я же обещал. Во всяком случае, сегодня – точно (при этом он так посмотрел на меня, что я сразу подумала: «Сегодня, может, он ничего и не сделает, но больше мне к нему приходиться нельзя»). А раз тебе не надо меня бояться, то не стоит и говорить, что ты не пьешь шампанского или, что ты сказала маме, что через час будешь дома. Расслабься.

Все. Устала писать, даже рука занемела. Ну ладно, допишу хотя бы про этот вечер, чтобы потом не мучаться. Короче, все было нормально. Мы с ним болтали без перерыва. Он знает кучу анекдотов, разных шуток-прибауток, и я хохотала до упаду. И приятно было, что, когда говорила я, он очень серьезно меня выслушивал, и вообще вел себя наравне.

И все-таки мы с ним целовались. Но так смешно. После каждого раза он очень долго извинялся и оправдывался, а я говорила, что «еще раз и я обижусь, и уйду». А потом и на самом деле мне уже стало пора домой, а то мама начала бы волноваться, и я сказала ему об этом, и он не стал возражать и помог мне одеть куртку. (Мне никто еще не помогал так; мальчики иногда пробуют, но у них это как-то глупо выходит, а вот когда ОН держал куртку, а я всовывала руки в рукава, я сразу почувствовала себя настоящей дамой). Он снова поймал тачку и отвез меня к самому дому. Договорились созвониться.

Все. Потом еще много чего произошло, но я в другой раз напишу, а то рука сейчас отвалится точно.

Из дневника Летова.

Однажды Годи поразил меня своей просто средневековой жестокостью, не слишком тщательно обряженной в одежды логики и закона.

В тот день я пришел к нему часов в восемь. Он торопливо открыл и бросил:

– Посидите в гостиной, сударь, я занят важным делом и буду рад, если вы станете моим зрителем, а, возможно, и помощником.

Я почувствовал себя польщенным, а от того – неуверенным:

– Буду рад служить вам, но смогу ли я?..

– Коль скоро «будете рады», никаких «но» и быть не может. Сидите здесь, наблюдайте за всем, что произойдет, а когда я вас попрошу – поможете мне. Вот, пока – книжку почитайте, – сунул он мне под нос какой-то полусгнивший фолиант и вернулся в мастерскую. Усевшись на кушетку, я открыл то, что он порекомендовал мне для чтения и понял, что при всем желании не смогу развлечься таким образом: я не читаю на санскрите. Когда Годи выкидывает подобные штучки, невозможно сказать уверенно, действительно он столь невнимателен или это шутка.

Из мастерской доносились громкие неприятные звуки – скрип, пронзительный писк мокрой тряпки о стекло, булькающе-сосущее чавканье...

Годи выглянул из-за двери. «Скучаете? – спросил он. – Вот вам Джино – общайтесь». – И вниз головой повесил Джино на люстру. Тот вперился в меня недобрым немигающим взглядом и превратил рот в тончайшую презрительную нить. Я, не выдержав, отвел глаза.

И тут в мастерской раздался оглушительный грохот, и из щели между косяком и дверью мастерской повалил густой сизый дым, пахнувший жженым волосом. Я вскочил, но Годи, словно увидев это, крикнул из-за двери:

– Все нормально. Сидите.

Я опустил обратно на кушетку, но тут же снова вскочил, потому что из мастерской, пошатываясь, вышел абсолютно голый Годи и, дойдя до кресла, упал в него. Голый Годи озираясь.

В этот момент из мастерской выскочил второй Годи, одетый, и, обогнув кресло, сел напротив своего двойника. Он был возбужден, холерическая улыбочка блуждала на его губах. Голый перестал озираясь, остановив взгляд на одетом.

– Я... это, мне... – мямлил он, указывая дрожащим пальцем перед собой. – Зачем? – неожиданно вполне членораздельно спросил он, и я увидел, как глаза его наполнились влагой. – Зачем? За-за... – Повторил он, и слезы щедрыми струйками покатались по его щекам.

Годи одетый (я буду называть его просто Годи, так как к тому времени уже разобрался, что как раз он – настоящий, а второй, голый, – двойник) резко оборвал его вопросом:

– Как тебя звать?

Тот, хлюпая носом, утер лицо ладонью.

– Па-па... Я – Па-вел, – произнес он по слогам, но тут же твердо повторил: – Я – Павел.

– Ты Павел, – покивал головой Годи. – А отчество твое?

– Павел Игнатович, – неуверенно ответил двойник.

– Так-так, сказал Годи, усмехаясь. – А живешь ты, стало быть, здесь?

– Да, – кивнул двойник слегка затравленно, – я – здесь. А вы? Вы живете где? Здесь?

И вы?.. – Он, кажется пришел в замешательство. Но вдруг в его затянутых доселе туманной пеленой глазах стало появляться вполне осмысленное выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.